

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- *Аристотель как историк философии*
- *Нравственный статус удовольствия в этике Аристотеля*
- *Особенности отражения природы в теологии и философии Средневековья*
- *Парадоксы человеческого существования С. Кьеркегора*
- *Космизм Даниила Андреева: философско-религиозно-художественный синтез*

УДК 1(091)

Аристотель как историк философии

Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор*

В статье предпринята попытка показать, что в поистине бескрайнем и разностороннем наследии великого Аристотеля, 2400-летний юбилей которого отмечает в 2016 г. все человечество, свое законное место занимает и историко-философская тематика, органически увязанная с трактовкой мыслителем природы и сущности самой философии. Показано, какие трудности возникают при осмыслении данной ипостаси его творчества и какие вопросы выносятся им на первый план в его историко-философских очерках.

Ключевые слова: Аристотель, история философии, «Метафизика», первая философия, начала и причины сущего, Гегель и Аристотель, методы.

Aristotle as a Historian of Philosophy

T. G. Rumyantseva, PhD in Philosophy, Professor.

The article attempts to show that in a truly boundless and diversified heritage of the great Aristotle, whose 2400-th anniversary is celebrated in 2016 all over the world, historical and philosophical subjects, organically linked with the interpretation of the thinker the nature and the essence of philosophy itself take its rightful place. It is shown what difficulties arise when understanding his teachings, and what questions they are submitted to the fore in his historical and philosophical essays.

Keywords: Aristotle, history of philosophy, «Metaphysics», first philosophy, first principles and causes of things, Hegel and Aristotle, methods.

«Окончательного же разрешения всех трудностей, связанных с изучением Аристотеля, вообще никогда не будет, поскольку сам Аристотель бесконечен как предмет научного изучения».
(А. Ф. Лосев)

Данная статья посвящена краткому освещению одной из наиболее ярких и в то же время нечасто акцентируемых сторон наследия древнегреческого мыслителя. Имеется в виду его историко-философская составляющая. Так уж сложилось, что при выявлении значения идей Аристотеля чаще всего в фокусе внимания оказывается его вклад в создание и развитие так называемой «первой философии» («Метафизика»), разработку формальной логики, системы силлогистики и теории аргументации («Категории», «Об истолковании», «Аналитика первая и вторая», «Топика», «Риторика»), а также его этические и политические сочинения («Этика», «Никомахова этика», «Полити-

ка», «Афинская полития», «Поэтика» и др.) При этом нередко упоминают его физико-астрономические («Физика», «О небе») и биологические трактаты («О душе»). А содержание и исторические судьбы «Поэтики» (якобы сгоревшего в огне второго тома его эстетического трактата) стали достоянием не только западноевропейского, но и отечественного читателя после того, как только что ушедший в мир иной итальянский писатель и философ У. Эко сделал ее предметом особого рассмотрения в своей знаменитой книге «Имя розы».

Еще Гегель увидел главный вклад Аристотеля в том, что «большая часть философских наук обязана ему установлением своих отличительных особенностей и заложением своего начала» [1, т. 2, с. 210]. Чрезвычайно высоко оценивая значение идей своего великого предшественника, он назвал его «одним из богатейших и глубокомысленнейших из когда-либо явившихся на арене истории научных гениев», человеком, «равного которому

* Профессор кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

не произвела ни одна эпоха» [Там же]. Кстати говоря, достаточно взглянуть на именной указатель двух первых томов гегелевских «Лекций по истории философии», не говоря уже о многочисленных ссылках на труды Аристотеля в «Науке логики» и многих других текстах немецкого мыслителя, чтобы убедиться в том, какое влияние оказал на него великий Стагирит и его идеи. «Ум Аристотеля, — писал он, — проник во все стороны и области реального универсума и подчинил понятию их разбросанное богатое многообразие». Таким образом, главным вкладом древнегреческого философа Гегель справедливо считал то, что тот придал философии научный характер, осуществив философское умозрение в форме понятия, и, собственно, заложил таким образом фундамент «целостной философии» [Там же].

Однако, задавая контуры «первой философии», или метафизики, по-новому определяя ее предмет и размышляя о том, что все-таки следует понимать под этой наукой и какие понятия должны лежать в ее фундаменте, Аристотель в своей «Метафизике» большое внимание уделил также и *критике взглядов своих предшественников*, так или иначе затрагивавших ранее подобные темы и проблемы. Он так и напишет, что стремится привлечь в своих размышлениях об истине также и тех, кто раньше него обратился к исследованию существующего: «Если рассмотреть те мнения, какие мы имеем о мудром, то, быть может, достигнем здесь большей ясности» [2, т. 1, с. 67—68]. Убедительно показывая, что взгляды всех древнегреческих философов, начиная от Фалеса и заканчивая Платоном, не могут быть использованы в качестве учения о «сущем как таковом» и понимания того, что же представляет собой «первая философия», Аристотель презентует, по сути, исторически первый проект историко-философской науки, заставляя несколько потесниться на этом поле своего великого продолжателя в лице Гегеля.

На первый взгляд может показаться, что рассуждать о Стагирите как об историке философии, мягко выражаясь, не совсем убедительно. Мол, вряд ли история философии как специальная область философского знания вообще интересовала мыслителя, озабоченного скорее поисками ответа на вопрос о сущности философии и, более того, обращавшегося к историко-философским сюжетам лишь в контексте постановки и реализации собственных задач и к тому же главным образом лишь в нескольких главах первой книги «Метафизики».

В качестве еще одного возражения против вынесенного в заголовок данной статьи утверждения об Аристотеле как об историке философии можно

было бы привести и следующее. Мол, из рассуждений философа, особенно в третьей главе вышеупомянутого текста, недвусмысленно явствует, что до него вообще не было, строго говоря, настоящей философии, так как «большинство первых философов неверно понимали начала всего сущего». О какой же тогда ее истории вообще может идти речь! В своем так называемом историко-философском разделе он действительно не так уж много внимания уделяет своим предшественникам, скорее полемизируя с ними, нежели подробно излагая их взгляды, или уж тем более не признает за их учениями хоть сколько-нибудь серьезного познавательного значения.

Однако, оставаясь в рамках только такого рода аргументации, мы не сможем назвать вообще ни одного историка философии, ну разве что кроме Гегеля, запечатлевшего многовековую историю человеческого (?) духа в своих грандиозных по замыслу и исполнению «Лекциях по истории философии». Дело в том, что почти каждый великий мыслитель, приступая к строительству здания своего учения, совершенно недвусмысленно утверждал, что до него вообще не было философии. Вспомним хотя бы И. Канта, именовавшего филодоксией, т. е. простым рассуждательством на философские темы, все, что было создано его предшественниками, и очень мало интересовавшегося историко-философскими исследованиями в качестве специальной области философского знания. В четвертом разделе своего пособия к лекциям по логике под названием «Краткий очерк истории философии» (1800) он так и писал, что «всякий философский мыслитель строит свое собственное здание, так сказать, на развалинах предыдущего... поэтому философию нельзя изучать уже по той причине, что таковой *еще не существует*» [3, с. 333]. Что уж тогда говорить о Ф. Ницше и о тех, кто пришел в философию после него, стремясь ниспровергнуть все, что составляло основные мотивы и установки классической мысли. И тем не менее сегодня все чаще появляются исследования на темы: «Ф. Ницше как историк философии», «О. Шпенглер как историк философии», «Дерзкие рейды М. Хайдеггера в историю философии» и т. п. [4, с. 45—50].

Более того, тот же И. Кант, и не потому, что он один, в своих экскурсах в царство мысли прошлого постоянно обращался к творчеству Ф. Бэкона, Р. Декарта, Г. В. Лейбница, Д. Локка и др., делая это, как и до него Аристотель, в контексте постановки и решения собственных познавательных задач. И, как и его великий древнегреческий предшественник, И. Кант оставил нам блестящие фрагменты, касающиеся взглядов вышеперечис-

ленных мыслителей, позволяя нам более основательно разобраться в сути сенсуализма Локка и Эпикура, разновидностях идеализма Платона, Декарта и Беркли, теории каузальности Юма, априоризме и оптимизме Лейбница, социальной философии Руссо и Гоббса и т. п.

Некоторые исследователи полагают, что Аристотель не всегда адекватно передавал взгляды своих предшественников, часто переводя их на язык философии своей школы и своего времени (IV в. до н. э.), модернизируя, а порой и прямо искажая их. Поэтому сегодня часто обсуждается вопрос о том, можно ли всерьез использовать его историко-философские наработки для понимания идей и учений Гераклита и Парменида, пифагорейцев и Платона, Сократа и Анаксимандра. Однако дать простые и однозначные ответы на все эти вопросы представляется очень сложным, если вообще возможным. Ведь вопросы и затруднения такого рода всегда стояли и будут стоять перед историко-философской наукой. Так, на прошедшей в 2012 г. представительной российской конференции под названием «История философии: вызовы XXI века», участником которой была и автор данной статьи, эта проблема в самых разных ее ракурсах живо обсуждалась в докладах самых видных исследователей. В докладах Н. В. Мотрошиловой, А. Н. Круглова и ряда других авторов речь шла, в частности, о том, что историю античной философии сегодня часто «рассматривают „под зонтиком“ модернизирующих дисциплинарных обозначений (онтология, гносеология, аксиология, философская антропология и т. д.)» [5, с. 196, 200]. Многие авторы до сих пор считают вполне естественным, что в истории человеческой культуры, включая философию, весьма часто обозначали более поздними словами и терминами те процессы, а также мысли и идеи, которые возникли еще в глубокой древности, и такая терминологическая модернизация давних философских учений является неизбежной практикой. Так что проблема адекватности толкования, интерпретации и перевода источников, а также попытки подать их под существенно более поздними рубриками, терминами, классификациями и т. п. и сегодня чрезвычайно актуальна и не до конца решена. Особенно остро она стоит в области историко-философского дискурса в отношении инокультурных традиций, когда тексты одной культуры помещаются в систему координат совершенно другой, встроенной в парадигму европоцентристского Я-образа. Так что предъявлять такого рода претензии к древнегреческому мыслителю вряд ли уместно. Хотя в его работах, несомненно, имеют место и издержки европоцентризма. Так, высоко

оценивая «математические искусства» и в целом духовные богатства Древнего Египта, Аристотель в то же время нигде не пишет о какой-либо иной философии кроме эллинской.

В силу того, что историко-философские воззрения Аристотеля все же не так часто привлекают к себе внимание исследователей (исключение здесь составляют, пожалуй, лишь высказывания выдающегося философа и известного ученого-философа XX века А. Ф. Лосева), они оказываются благодатным полем для тех, кто еще хочет сказать что-то новое об этом мыслителе.

На наш взгляд, Аристотеля вполне можно рассматривать не только как историка философии, но и как мыслителя, фактически заложившего основы этой философской дисциплины, ибо при анализе любой проблемы он в первую очередь пытается глубоко осмыслить мнения своих предшественников, тех, кто еще до него пытался ответить на остро стоящие уже перед ним вопросы, показать, как обо всем этом думали до него. Поэтому историко-философскими «экскурсами» так или иначе пронизаны очень многие из его трудов. Хотя, разумеется, наиболее значительна для понимания всей истории мысли до Аристотеля именно первая книга его «Метафизики», где, начиная с самого начала третьей главы, он не только подробно излагает уже ранее сформулированные им представления о первых причинах сущего, но и считает важным «привлечь также и тех, кто раньше нас обратился к исследованию существующего и размышлял об истине. Ведь ясно, что и они говорят о некоторых причинах. Поэтому, если мы разберем эти начала и причины, то это будет иметь некоторую пользу для настоящего исследования»; «в самом деле, — продолжает философ, — или мы найдем какой-нибудь другой род причин, или еще больше будем убеждены в истинности тех, о которых говорим теперь» [2, т. 1, с. 70—71].

Что касается *методологии* или *методов*, которые использует Аристотель в своем хотя и кратком, но достаточно цельном историко-философском курсе, то они заслуживают отдельного упоминания. Вряд ли мыслителя можно причислить к эмпирикам, ограничивавшимся, подобно Диогену Лаэртскому, лишь простым перечислением сведений о тех, кого в те времена (II—III вв. до н. э.) причисляли к «первым философам», включая сюда и так называемых «варваров» — персидских магов, ассиро-вавилонских халдеев, индийских гимнософистов, египетских жрецов, кельтско-галльских друидов и т. п. И хотя Диоген Лаэртский не хочет признать, что философия могла возникнуть раньше, чем в Греции и за ее пределами, обоснованно опровергнуть это мнение ему не удается.

Будучи «некритическим, поверхностным доксографом», он даже не может определить само понятие «философия», превращая, по сути, все свои описания в то, что Гегель потом назовет «перечнем мнений» и «галереей нелепиц».

Метод Аристотеля носит скорее логический, чем эмпирический характер. К истории философии он подходит с позиции четкой теоретической установки, а именно — имея заранее собственное представление о сущности философии как высшей теоретической науки, нацеленной на познание причин и начал всего сущего. Для него философия — это такое знание, которое выходит за границы непосредственного опыта и которое не может быть сведено к простым показаниям органов чувств. Более того, для Аристотеля эта наука (философия) стремится к знанию ради него самого, а не ради практической выгоды. В данном случае мы имеем перед собой именно историю мысли, а не перечень событий и исторических фактов, то, что Гегель назовет «историей нахождения мысли самой себя, а с мыслью дело обстоит так, что, только порождая себя, она себя находит...». Анализируемые же древнегреческим философом системы философии и «есть суть эти акты порождения». То есть, это и есть та «деятельность мысли, которая исследует не другое и занята не другим, а которая занята самой собою — именно самым благородным, которая искала самое себя и самое себя открыла» [6, т. 1, с. 72].

Руководствуясь такого рода установками, Аристотель и предпринимает свои рейды в историю предшествующей мысли, которая, как и он, также пыталась открыть эти начала и причины сущего. Он не считает эти поиски плодотворными и всю пользу расценивает исключительно в негативном аспекте, чтобы «не впасть в те же самые ошибки». И в самом деле, обзор учений прошлого убеждает его не только в их случайном приобщении к философской истине как таковой, в «необученности» «в битвах с людьми» их представителей, производящих впечатление людей, «не знающих, что они говорят». Не случайно, что Эмпедокл у него вообще только «лепечет», Парменид выражает свое учение «в устарелой форме» и т. п. Все это убеждает его в мысли о подлинности лишь его собственного учения о началах и причинах сущего.

Все первые философы, полагает он, «считали началом всего одни лишь материальные начала», хотя «не все учили одинаково». Как это делаем теперь и мы, он начинает изложение с учения Фалеса и других натурфилософов, усматривая принципиальную разницу между античной и древневосточной философией. Последняя, как он справедливо отмечает, начиналась как нравственно-

социальное учение, а не как системно-рационализированные взгляды на природу, занятые поисками единого начала всех природных процессов. Такое единое начало всех вещей, считает он, они усматривали в материи как в том, «из чего состоят все вещи, из чего первого они возникают и во что, в конечном счете, разрушаются, причем основное существо пребывает, а по свойствам своим меняется, — это они считают элементом и это — началом вещей».

Кроме материальной причины философы прошлого искали и движущую причину, которую Аристотель, однако, отрывает от материальной, понимая природу материи исключительно в терминах собственной трактовки, как совершенно лишённую какой-либо внутренней активности. Поэтому его гораздо больше занимают мыслители, учения которых соответствуют духу его философии и которые, в отличие от первых натурфилософов, искали отдельную от материи движущую причину (Эмпедокл, Анаксагор, Парменид и др.). Но особого интереса в этом ряду у Аристотеля заслуживает Анаксагор с его знаменитым Умом-Нусом. Это, по-видимому, у него Ф. Ницше возьмет фразу об Анаксагоре как «единственно трезвом среди пьяных».

Не остаются лишёнными внимания и те, кто занимался поисками формальной причины. Среди такого рода авторов Аристотель называет тех, кто «вводит идеи», — т. е. Платона и его последователей, которым он уделит особое место в своей «Метафизике». На смену снисходительности в отношении наивных натурфилософов приходит нечто, очень близкое к враждебности. Именно по отношению к ним и прозвучит, хотя и не здесь, не в «Метафизике», а в первой книге его «Этики», ставшая поистине сакраментальной его фраза о том, что «хотя Платон и истина мне дороги, однако священный долг велит отдать предпочтение истине». Аристотель не только критикует учение своего бывшего наставника, но и пытается выявить теоретические истоки и гносеологические корни его учения об идеях. Он, в частности, утверждает, что Платон неправомерно приписывает самостоятельное существование тому, что самостоятельно существовать не может. Его критика идеализма Платона в учении о сущности показала, что роды и все, что подводится к категории, кроме первой, независимо от вещей существовать не может, а потому не может быть превращено, в сущности, в обособленные от вещей идеи. Однако в своем учении о Боге философ сам не так далеко уйдет от столь критикуемого им идеализма Платона. Здесь поневоле вспоминается когда-то чуть ли не наизусть заучиваемая фраза В. И. Лени-

на о критике одним идеалистом основ идеализма другого идеалиста, от которой, как он писал, «всегда выигрывает материализм».

Не вдаваясь все же в детали полемики Аристотеля с Платоном, отметим лишь то, что в ходе этой критики Стагирит не всегда объективен по отношению к своему учителю. Он часто искажает некоторые его положения и, более того, забывает или просто не желает помнить, что в своем положении о перво двигателе он фактически излагает те же идеи, что и тот, с кем он полемизирует. Ведь источником движения у Платона выступают космическая душа и демиург, а вовсе не идеи, как это приписывает ему Аристотель. Философ не всегда оказывается последователен не только в этой критике, но порой и в изложении своего собственного учения. Это касается и его высказываний относительно так называемого «тамошнего мира», который он все-таки не до конца отрицает, заявляя, что «у сущности одно и то же значение и в здешнем мире, и в тамошнем», а поэтому удваивать сущности на здешние и тамошние (идеи) не следует, забывая при этом о своем Боге как форме форм.

Аристотелева критика теории идей Платона, ее сущность и ограниченность могли бы стать, да, пожалуй, уже и стали предметом специального историко-философского исследования, способствуя лучшему пониманию учений обоих мыслителей. Нам же хотелось кратко осветить в данной статье то, на какие еще вопросы, непосредственно относящиеся к проблематике историко-философской науки как специальной философской дисциплины, изучающей процесс возникновения и развития философского знания, отвечает в своих работах Аристотель.

Следует заметить, что он не только оставил нам широкую панораму критических взглядов относительно идей своих предшественников-соотечественников, органически вплетенную в контекст изложения собственного учения, но и попытался осветить такие важные и вечные для историко-философской науки темы, как: из чего, для чего, почему и где возникает философия. Эта сторона историко-философского наследия мыслителя была в свое время, хотя и кратко, освещена в работах одного из авторитетнейших советских и российских антиковедов — А. Ф. Лосева, который сам много размышлял над вопросом о возникновении философии, пытался выявить, если таковые имеются, некие общие закономерности зарождения и становления философской мысли.

Лосев отмечает, что, как и Платон, Аристотель подхватил и развил дальше удивительную догадку Платона о том, что начало философии лежит в удивлении, когда люди стремятся избежать свое-

го незнания. Эмоциональное состояние и способность удивляться чему-либо рассматриваются им как психологический источник и начал самой философии, и того, что люди становятся философами [7, с. 11]. Но наука, по Аристотелю, возникает только тогда, когда люди оказываются способными открыть истинные причины изумившего их явления. Отвечая на вопрос о причинах возникновения философии, Аристотель, как и после него Гегель, тесно увязывает его с вопросом о сущности философии как высшей теоретической науки. Такая наука возникает, по Аристотелю, из предшествовавших ей духовных форм — науки, мифологии и поэтики, исследовавших, в отличие от нее, лишь отдельные части и аспекты сущего. Последняя же занимается *всем сущим*. Очень многое из того, что и как мы сегодня объясняем студентам фактически на первой лекции курса «Философия», было предвосхищено именно Аристотелем. Это и его догадки относительно необходимости досуга, когда занятия философией становятся лучшей формой времяпрепровождения, тем более что стремление к мудрости, по Аристотелю, еще и добродетельно. Об этом он много пишет в своей «Этике».

Во многом от Аристотеля идет и установка античной, а до поры до времени и всей западноевропейской философии о том, что в оценках роли и назначения философии не следует подходить утилитарно-практически. Для него это была просто «лучшая из всех наук», хотя, быть может, и менее необходимая, чем все остальные. Недаром первая книга его «Метафизики» так и начинается со слов о том, что «все люди от природы стремятся к знанию... ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих...» Что же касается вопроса о месте возникновения философии по Аристотелю то об этом речь уже шла несколько выше. Отмечалось, что хотя Аристотель вроде бы прямо и не говорит о том, где, собственно, возникла теоретическая наука (философия), но найти в его текстах описания каких-либо иных философских учений, кроме как эллинских, не представляется возможным.

Завершая краткий экскурс в историко-философские изыски великого Стагирита, отметим еще раз, что в универсальном наследии этого мыслителя нашли свое отражение идеи, относящиеся к самым различным областям как философского, так и естественнонаучного знания. Используя современную философскую терминологию, мы говорим о том, что он заложил начала онтологии, гносеологии, этики, психологии, физики, социальной философии и т. п. И все же в этом поистине неисчерпаемом богатстве и разнообразии его

идей законное место принадлежит и историко-философской тематике, которая нуждается в дальнейшей творческой разработке и анализе. Так что тема «Аристотель как историк философии» все еще открыта и до конца неисчерпаема.

Список цитированных источников

1. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. / Г. В. Ф. Гегель. — СПб., 1993—1994. — Кн. 2.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Соч.: в 4 т. — М., 1976. — Т. 1.

3. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. — М. 1980.
4. Румянцева, Т. Г. Шпенглер как историк философии // Ноумен: сб. науч. работ по философии и социал. наукам. — Минск, 2004. — Вып. 6.
5. История философии: вызовы XXI века. — М., 2013.
6. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. / Г. В. Ф. Гегель. — СПб., 1993—1994. — Кн. 1.
7. Лосев, А. Ф. Начало философии / А. Ф. Лосев. — М., 1982.

Дата поступления в редакцию: 10.03.2016 г.